

История без ретуши

«Все новое — это хорошо забытое старое» — истина, совершенно применимая и к различным аспектам современной геополитики. И даже безумная политика современной Литвы — как внутренняя, так и на внешнем контуре — имеет глубокие исторические предпосылки. О них наш разговор с известным белорусским историком, председателем Постоянной комиссии Палаты представителей Национального собрания по образованию, культуре и науке, членом-корреспондентом Национальной академии наук, доктором исторических наук, профессором Игорем МАРЗАЛЮКОМ.

«Слово» в наизидание

Как мигрантский кризис разбудил в Литве застарелые проблемы столетней давности

Виленский край как «европейская Аляска»

— Игорь Александрович, хотел бы сразу обратить ваше внимание на вышедшую в 2019 году на русском языке книгу Станислава Цата-Мацкевича «Польская катастрофа 1939 года и ее причины», довольно подробно и беспристрастно описывающую польский политикум начала XX века. И напрочь разбивающую лживый и примитивный стереотип про «сговор Сталина и Гитлера», повлекший начало Второй мировой войны и удар по Польше. Но интересен и сам автор — не просто польский писатель и публицист, а еще и редактор довоенной виленской газеты «Слово», премьер-министр «правительства Республики Польша в изгнании» в 1954—1955 гг...

— Чем интересен Цат-Мацкевич? Это ополяченный белорусский шляхтич, для которого было органичным сочетание и русской имперской культуры, которую он знал как свою (разбирался в искусстве, в том числе православном, любил Достоевского). Это был один из самых интересных польских публицистов межвоенного времени. Причем публицист он был политический — всегда ангажированный современной политикой. И тем, кто сегодня любит идеализировать политику санации, которая привела Польшу в 1939-м к катастрофе, я бы настоятельно рекомендовал перечитать работу Цата-Мацкевича, посвященную в том числе тупой и бездарной политике польского министра иностранных дел Юзефа Бека (1932—1939 гг.). Как писал Мацкевич, в канун Второй мировой войны «Бек стремился создать оборонительную систему вокруг Польши, и это могло быть правильным, если бы не то, что Бек датировал события задним числом. И, не имея еще этой защитной системы, кстати, невероятно трудной для осуществления, поступал так, как бы она уже существовала. Не имея реальной силы, Бек ее выдумывал, вел игру во внешней политике так, как будто располагал этой силой».

Он был консерватором, не выносил коммунистов. Вместе с тем именно Мацкевича нужно прочесть всем хамам, которые любят рассказывать про «героев Армии Крайовой». Именно Цат-Мацкевич первым открыл в польской публицистике тему сотрудничества «белорусских» подразделений Армии Крайовой с гитлеровцами, причем давал им весьма колоритные характеристики.

Когда мы говорим о литовском национальном возрождении и государственности, не следует забывать, что в межвоенный период у литовцев была жесткая, просто звериная полонофобия, связанная во многом с тем, что Литва лишилась Вильно и Виленского края. Средняя Литва стала по сути, выражаясь с позиций сегодняшнего дня, «ЛНР/ДНР Пилсудского», который сам был родом из ополяченной шляхты, имел



«Острая брама» — место притяжения мультикультурного города.

теплые чувства к Виленскому краю и не представлял, как тот может быть в составе Литвы.

Ведь реально в Виленском крае к началу XX века этническую составляющую определял не балтский элемент, а славянский и еврейский. В Вильно поляки, евреи и белорусы составляли основную часть населения, литовцы были лишь четвертыми. Внутри Средней Литвы работали белорусские министерства, и даже понятие Западной Белоруссии в этническом и национальном контексте впервые было озвучено именно в Средней Литве — в 1920 году Брониславом Тарашкевичем, после чего эта дефиниция навсегда прописалась в белорусском национальном историческом дискурсе.

В 1920 — 1930-е годы литовцы и поляки постоянно состязались, как бы поиздеваться друг над другом. Литва вела постоянную антипольскую пропаганду на протяжении всего этого пери-

ода. И главным врагом в литовском дискурсе выступал поляк — как захватчик, оккупант, агрессор. Причем литовские националисты исповедовали моноэтничный национализм и считали, что все католики, живущие в Виленском крае и говорящие по-белорусски

или по-польски, это не более чем ассимилированные литовцы. И всем популярно разъясняли: как только эти земли станут собственностью Литвы, все будут говорить по-литовски.

Так вот, Цат-Мацкевич узколобым шовинистов очень не любил. И всю их критиковал на страницах своей блестящей газеты «Слово». Кстати, он не чурался белорусских языка и культуры, хорошо их знал, но как консерватор и католик не выносил белорусских коммунистов. Он поддерживал Пилсудского — и вместе с тем его политику санации считал пагубной. На страницах «Слова» любил поиздеваться над польскими претензиями в отношении Виленского края.

Цат-Мацкевич прекрасно знал, что Вильно и Виленский край являются поликонфессиональными, понимал происходившие там процессы и всю пагубность желания одним махом перечеркнуть культурные и цивилизационные коды, традиции человека, его культурные и языковые стереотипы, привычки.

Узколобый этнический литовский национализм, стремление уничтожить все славянское в Виленском крае, мечты о литунизации он категорически не приемлил. Кстати, само введение в белорусский и польский обиход термина не «литовец», а «летувис», особенно в националистической белорусской литературе, как раз имеет корни из эпохи польско-литовского противостояния. Летувисами предложил называть этнических литовцев виленско-минский шляхтич Осип Сеньковский еще в 30-х годах XIX века. После чего этот конструкт массово использовался в польской публицистике в 20 — 30-х годах XX столетия.

Фантомные боли Литвы: атака на балет

— Но и сегодня политика Литвы по отношению к этническим полякам «коварна и отвратительна». По крайней мере, так считает депутат сейма Польши, глава политической группы «Рух народowy» Роберт Винницкий, возмущенный решением Вильнюса расселить нелегальных мигрантов в районе, где компактно проживают поляки. «Попытки литуанизировать польское меньшинство в Литве предпринимаются уже 30 лет, — заметил в конце июля польский парламентарий. — Это меньшинство составляет около 200 тысяч человек. Мы в Польше, в которой проживает 7 миллионов потомков кресовцев, обязаны солидаризироваться с нашими соотечественниками». Выходит, нынешнее союзничество двух членов ЕС — лишь видимость?

— Мечты, не реализованные Литвой в 20 — 30-х годах XX столетия, в том числе в отношении Беларуси, — это



фантомные боли, до сих пор не дающие покоя нашим соседям. Но принципиальное отличие сегодняшней ситуации в том, что Литва, которая прежде стояла на жестких антипольских позициях, сегодня воспринимается Польшей (и сама воспринимает Польшу) в качестве своего союзника. Отсюда подхваченная идея «Междуморья», которую прежде литовцы не переносили на дух. Более того, сейчас в этой конструкции видят и Беларусь — по замыслу таких стратегов она должна замкнуть кольцо.

Но если мы говорим об устойчивых стереотипах невосприимчивости друг друга, о польско-литовских фобиях, то и нынешний миграционный кризис, и определенное мотивационное поведение до сих пор всплывают с двух сторон. Литовцы и сейчас неприязненно относятся к польской части населения Виленского края, видят (особенно националисты-консерваторы) в нем «пятую колонну».

Тот же Лангсбергис-старший патологически ненавидит Юзефа Пилсудского. Вообще, в литовской традиции тех, кто называл себя «старым литвином» (поляком по культуре и литовцем по крови), звали культурными гермафродитами. И по сути это лишь срез большого явления.

У литовцев на уровне сознания — страх от понимания того, что часть их маленькой страны до сих пор нелитовская. И это приводит к фобиям — как к антипольским, так и антибелорусским.

Мы порой не замечаем, но любой белорусский продукт: хлеб, что-то иное из питания, напитки, троллейбусы, даже театральные постановки и новые памятники в белорусских (!) городах — вызывает натуральную истерику, если речь идет о литовских, как они сами их называют, национальных героях. Любимый товар с названием «Альгерд», «Гедымин» или «Витовт» воспринимается как белорусская агрессия, экспансия и территориальные претензии белорусов на Виленский край.

СПРАВКА «СБ»

В сентябре 2017 года министр культуры Литвы Лиана Руоките-Ионссон назвала балет «Витовт» в постановке Большого театра Беларуси провокацией. По ее словам, план показать белорусский балет на литовской сцене в преддверии празднования независимости Литвы является не чем иным, как проявлением мягкой силы. Литовские СМИ писали, что Беларусь пытается присвоить историю Великого Княжества Литовского.

В 2014 году я был участником одной серьезной конференции в Вильнюсском

1939 год. Станислав Цат-Мацкевич.



Некоторые высказывания Цата-Мацкевича

- Поляки — как женщина, которая влюбляется в дураков.
- Поляки любят известность, они народ хвастливый.
- За поляками видится немало пороков, протекающих из хвастовства, актерства, напыщенности, но поляки — народ благородный.
- Из надгробия своей политики Бек устроил себе пьедестал.
- После английской «гарантии» дела автоматически катились к катастрофе.
- Знал я полковников Генерального штаба (Польши. — Прим. авт.), которые поучали меня, что отсутствие танков представляет собой преимущество нашей армии, поскольку она благодаря этому «более эластична».
- Увеличение территории всегда дает результат и указывает на возрастание политической мощи государства. Увеличение государственной территории Польши за счет Тешинской Силезии осенью 1938 года имело результатом значительное ослабление государства.

университете, на которой выступил с докладом, посвященным мифам в белорусской историографии в отношении Великого Княжества Литовского. Сам доклад литовцам понравился, но потом было неформальное его обсуждение — и я с удивлением вдруг понял, что они до сих пор больше всего боятся белорусскоцентричной версии прочтения истории ВКЛ. И до сих пор боятся, что, мол, у нашего современного государства есть территориальные претензии к Литве! У меня всерьез заинтересовались моим мнением: может ли Александр Лукашенко использовать агрессивную, шовинистическую и националистическую риторику Позняка для предъявления претензий на Вильнюс и Виленский край! Разумеется, заверил соседей, что этого быть не может.

То есть Литва до сих пор боится нас, боится Беларуси. Несмотря на то, что эта страна — полноправный член НАТО. Но как раз незадолго до этого случился российско-грузинский конфликт — и представители литовской дипломатии выразились в адрес НАТО непечатными словами, суть которых: грузинам также много чего обещали, в том числе в плане безопасности, — и ничего не выполнили.

Не меньше озабоченности у литовцев вызывает польское националь-

ное меньшинство. Потому что ветераны Армии Крайовой, мягко говоря, не очень любят власть и страну, в которой они живут. Для них Вильнюс остался польским. И именно этот внутренний тлеющий на уровне недоверия и неприязни польско-литовский конфликт то и дело пробивается на поверхность и в наши дни. Сегодня этот конфликт вновь проснулся на фоне попыток Вильнюса решить проблему с размещением беженцев.

Не надо забывать и о «привлекательности» литовской демократии и социально-экономической модели. Молодежь массово уезжает из страны, демография в Литве на катастрофическом уровне: для трудоустройства за рубежом уезжает наиболее успешная часть литовской молодежи. Отсюда и попытки завлечь молодых специалистов из Беларуси, маскируя такие приглашения политическими призывами и декларациями.

СПРАВКА «СБ»

По данным статистического портала renkuosilietuva.lt, с 1990 по 2021 год число жителей Литвы уменьшилось на 899,5 тысячи человек — это 24 % от общего населения. Причем из-за естественных демографических изменений литовское население сократилось на 189 тысяч, а из-за эмиграции — на 710 тысяч. Возраст 74 % эмигрантов составляет от 15 до 44 лет. На протяжении многих лет самой популярной страной для эмиграции среди литовцев является Великобритания (в среднем 38 % эмигрантов уезжают туда), также популярны Норвегия, Ирландия, Германия.

Есть ли у Европы другой путь?

— На этой неделе вся белорусская печать, в отличие от подозрительно близорукой и глухой западной, писала про то, как массовые протесты, то и дело вспыхивающие в литовских лагерях для мигрантов из-за откровенного фашизма «правоохранителей» в отношении беженцев, перекинулись в центр Вильнюса. Литовская общественность

заговорила про настоящий фашизм, лидеры оппозиционных парламентских партий — про политические забастовки. Литовско-польские противоречия отметили сами вы. Какой вывод из происходящего можно сделать с учетом исторического анализа?

— Если ты хочешь спокойствия, уважения в своей стране, веди себя цивилизованно и с уважением относись к людям с иной культурной идентичностью, слышь их и не забывай, что отношение к человеку зависит не от цвета кожи, а от того, кем он является, хочет быть, готов ли он вписываться в государственный контекст этой страны. Это писал все тот же Цат-Мацкевич. В опубликованной в газете «Слово» в 1935 году статье «1935-й и 1795-й», посвященной нетипичному в то время ерничанью над колониализмом, редактор и публицист подчеркивал: «Нам, полякам, абсолютно не к лицу хоть как-то выступать против независимости Эфиопии» (статья писалась накануне вторжения армии Муссолини в Африку). Причем редакторская статья была полна высокого — и провидческого — смысла:

«Мы защищаем Европу, европейские ценности, мир в Европе... Политик, как и журналист, должен хорошо чувствовать современность. Но сие не означает, что он не должен быть при этом историком... Что за лицемеры эти англичане! Они, властители Индии, Египта, они, присвоившие себе бурские республики, сейчас будут защищать независимость эфиопов во имя высших идеалов. Вруны!»

Цат-Мацкевич напоминал: «В 1795 году принцип безнационального государства, основанного на мощи, хватил через край, погубил Польшу, но и породил националистическую идею». А следующее звучит суровым предостережением современникам и актуально даже сегодня:

«Ну ладно, побеждаем Абиссинию! Эфиопский негус (император. — Прим. авт.), который, похоже, взлез на трон вполне средневековым способом, но который сейчас защищает независимость своего государства дипломатическим путем весьма энергично и убедительно, — негус будет свергнут со своего трона, народ его будет убит авиационными бомбами, отравлен газами, расстрелян из пулеметов. И что с того? Это борьбы пронесется по стране, которая помнит Махди, по Нилу донесется до Египта, эхо это проползет краем раскаленной пустыни, вдохнет арабов в Триполи, Тунисе, Алжире, Марокко. Эта война повлечет за собой другие восстания и войны, приблизит час генеральной расправы Африки и Азии с Европой».

Размышляя над вопросом, есть ли у Европы другой путь, Цат-Мацкевич писал:

«Да, есть. Оставить в покое жизнеспособные державы, такие, как арабские государства, как Абиссиния. Не считать, что австралийцы и японцы суть одно и то же... Европа перегибает палку».

Как же это актуально звучит сегодня! После разгрома Ливии и Ирака, после того, что было устроено в Сирии. Все это были жизнеспособные государства со своим укладом.

Главная мораль: Европе и сегодня надо оставить в покое чужой для нее мир, чужую психологию и чужую парадигму развития. Именно про это в газете «Слово» писал человек с белорусскими корнями и великий поляк по культуре. Перечитывайте, господа соседи, его, перечитывайте других — и слышите деятелей, которые оставили глубокий след на земле, которую и вы считаете своей. И помните, что унижение человека по расе, цвету кожи, а тем более пренебрежительное отношение к чужой государственности является примером дремучего синдрома неоколониализма современности. Но Беларусь ничьей колонией не была и не будет.

Беседовал Максим ОСИПОВ.
osipov@sb.by



Видьяна.—Wilno. № 13.
Театральная площадь.—Plac Teatralny.

Вильнюс первой половины XX века.